

Реформационные движения РПЦ в XX веке

М.С. Чернявский

Более чем тысячелетняя история православия на Руси доказала его жизнеспособность, широкие возможности развития, в основе которого всегда лежит конфликт.

А. П. Богданов

Совершенно очевидно, что Русь обрела направление своей государственности и культуры после присоединения к семье христианских народов, то есть после крещения князем Владимиром. Да и свою подлинную историческую жизнь Россия начала незадолго перед этим событием. Слова «русская земля», как свидетельствует историография, появились впервые в договоре, подписанном киевским князем Игорем в 945 году после набега на Константинополь^[1]. В XIX веке была окончательно выражена знаменитая формула оснований русской жизни: «православие, самодержавие, народность».

Вся наша система ценностей глубоко православна. Даже в период советской власти эти ценности явно были спроецированы на новую секуляризованную «обезбоженную» систему. Идея «единственно истинной православной веры» соответствовала идее «единственно верного марксистско-ленинского учения». Веру в непогрешимость церкви, несмотря на аморальность отдельных ее членов, сменила вера в непогрешимость партии, несмотря на возможность «отдельных ошибок» «отдельных» руководителей. Атрофированное чувство личной ответственности в религиозной сфере приняло форму коллективизации мышления и тотальной общественной безответственности. Поголовная и потому нередко формальная практика крещения соответствовала поголовному прохождению по целому ряду организаций (октябрята, пионеры, комсомольцы)^[2]. Очевидно, что это далеко не полный перечень параллелей.

В рамках данной статьи перед нами стоит важная задача – про-

¹ Николин А. Церковь и государство. М., 1997. С. 53.

² Борисов А. Побелевшие нивы. М., 1994. С. 149.

следить и оценить реформационное движение в новейшей истории русской православной церкви (РПЦ). Мы увидим, что даже в самые тяжелые времена жесточайших гонений люди, постоянно стремившиеся к обновлению церковной жизни, являлись ее основным катализатором движения вперед. Тем не менее, деятельность реформистов оценивают сегодня достаточно противоречиво. В рамках нашего исследования невозможно представить полную историческую картину рассматриваемого явления, поэтому наш анализ носит обзорный характер.

1. Упущенный исторический шанс (1900—1917)

Русское православие никогда не было однородным телом. Строгая обрядность одних сталкивалась с требованием свободы других. Приверженность букве Святого Писания шла бок о бок с пророческим прозрением.

А. Борисов

Авторитету православной церкви в России был нанесен серьезный урон покорностью перед царской властью. Начиная с Петра Великого, русские цари старались сделать ее пружиной государства. Обер-прокурор Священного синода назначался с 1722 года лично императором. Первоначально его обязанности сводились к наблюдению «за порядком и тишиною» на заседаниях синода, статус которого приравнивался к сенату. В официальных документах обер-прокурор именовался «оком государевым и стряпчим по делам государственным»³. При Александре I «стряпчий» был наделен министерскими правами. А известный обер-прокурор К. П. Победоносцев, находившийся на посту четверть века (1880—1905), вмешивался даже в государственные дела. На протяжении XVIII и XIX веков российское общество пережило глубокие преобразования, от которых церковь осталась в стороне.

Официальная религия не могла удовлетворить духовные нужды народа, прежде всего по причине аморальности, необразованности и требоисполнительского подхода к богослужению со стороны православного духовенства. В России начала XX века даже многие

³ Федоров В.А. Русская православная церковь и государство. М., 2003. С. 12-13.

семинаристы «бравировали своим атеизмом и революционными идеями»^[4]. Весьма отчетливо данный упадок описал митрополит Вениамин (Федченков):

Нисколько не удивляло меня ни тогда, ни теперь, что мы никого не увлекали за собою: как мы могли зажигать души, когда не горели сами?.. Было общее охлаждение в нас... А интеллигентных людей и высшие круги мы уже не могли не только увлечь, но и удержать в храмах, в вере...^[5]

Между официальной церковью и интеллигенцией к тому времени зияла огромная пропасть отчуждения. Пожалуй, ярче всего данный конфликт выразился в отлучении Л. Н. Толстого (1828—1910)^[6], в котором даже на западе многие видели «пророка российской реформации», отождествляя его христианскую «этику убеждения» с лютеровским вызовом католицизму.

Тем не менее, были заметны и обнадеживающие ростки религиозного возрождения. Именно в XIX веке православные миссионеры активно несли Евангелие в России и за ее пределами. Особенно эффективно данный процесс проходил среди многочисленных племен Сибири и Дальнего Востока. За рубежом самыми передовыми были Японская, Китайская, Корейская и Алеутская (Аляска) миссии. Православная проповедь звучала также среди несториан-ассирийцев в Оттоманской империи (нынешнем Ираке).

Монахи-старцы Оптиной пустыни (недалеко от Калуги), жизнь которых Ф. М. Достоевский (1821—1881) описал в романе «Братья Карамазовы», привлекали своей святой мудростью многих мирян. К ним ездили и Гоголь, и Достоевский, и Толстой и Владимир Соловьев. «Через старцев проповедь христианской жизни как будто выходила за стены храма и входила в самую гущу человеческой жизни»^[7]. Слава о новом пророке России Иоанне Кронштадском (1829—1909), гремела по всему государству. Особое внимание этот подвижник и чудотворец уделял воспитанию детей-сирот в специальном приюте и «Доме трудолюбия». Путем превращения иконо-

⁴ Алфеев И. Православное богословие на рубеже столетий. М., 1999. С. 144-145.

⁵ Там же. С. 388-389.

⁶ Паламарчук П. Анафема: История и XX век. М., 1998. С. 288.

⁷ Георгиева Т.С. Христианство и русская культура. М, 2001. С. 170.

стаса в невысокую перегородку, чтобы алтарь и священник в алтаре были видны во время службы, а также настойчивыми призывами к регулярному причащению Иоанн (в миру Сергиев) «предвосхитил литургическое возрождение современного православия»^[8].

В конце XIX – начале XX веков формируется новое религиозно-философское направление общественной мысли России. Идеи В. С. Соловьева, С. Н. и Б. Н. Трубецких, С. Н. Булгакова, В. В. Зеньковского, И. А. Ильина, Н. О. Лосского, Л. Н. Карсавина, П. А. Флоренского и некоторых других осознаются в наше время как единое, целостное мировоззрение, которое принято называть философией всеединства. Этот период называют «русским духовным ренессансом»^[9], а поэт Н. Гумилев считал «серебряным веком». Русские философы не приняли революцию и в эмиграции познакомили Запад с наследием В. С. Соловьева. Подавляющее число их зарубежных работ приходится на 30-е годы.

Среди плеяды названных мыслителей хочется выделить экономиста, философа и богослова С. Н. Булгакова (1871—1944). Своими трудами он показывал неактуальность внемирского монашества, пытаясь укоренить в народном сознании практику внутримирской, или как ее называл сам мыслитель, – «светской аскезы». Свою идею православного возрождения он противопоставлял идеологии «нового религиозного сознания», вокруг которой организовывали свой более радикальный кружок Д. С. Мережковский (1866—1941) и В. В. Розанов (1856—1919). В условиях Нового времени оптимальным вариантом для реформации виделось сближение понятий протестантской хозяйственной этики, с одной стороны, и здоровой православной аскетики с другой. Таким образом, русскую реформацию С. Булгаков видел в подвижническом труде, как покаянии интеллигенции^[10].

После первой революционной волны 1905 года пришла в волнение вся церковь, в лоне которой начали возникать разные группировки. Священники жаловались на власть епископата, а епископы

⁸ Уэр К. Православная церковь. М., 2001. С. 129.

⁹ Акулинин В.Н. Философия всеединства: От В.С.Соловьева к П.А.Флоренскому. Новосибирск, 1990. С. 5.

¹⁰ Давыдов Ю.Н. Макс Вебер и современная теоретическая социология. М., 1998. С. 131, 144-149.

все труднее мирились с постоянной опекой государства. Самой видной в православии стала группа из 32-х петербургских священников, призывавших к началу решительных реформ. Они требовали созыва собора, в котором бы могли принять участие представители всех трех церковных сословий: епископы, клирики и миряне. Наконец, для упорядочивания церковной жизни царь Николай II согласился на созыв поместного собора, впервые с 1666 года.

Мало кто знает, что одной из побуждающих причин подготовки церковной реформы Николаем II послужила церковно-публицистическая деятельность выдающегося мыслителя Л. А. Тихомирова (1852—1923). После прочтения его работы «Запросы жизни и наше церковное управление» (1903), царь повелел Священному синоду обсудить вопрос о созыве собора РПЦ^[11].

В июле 1905 года Священным синодом был разослан циркулярный указ, требующий от епархиальных архиереев описать стороны жизни РПЦ, требующих, по их мнению, реформ и изменений. Надо сказать, что от епископата мало кто ожидал обилие прогрессивных идей, тем не менее, в этом случае проявилось почти полное единодушие в расположении к преобразованиям. Подавляющее большинство архиереев независимо друг от друга выражало беспокойство явной недоступностью для понимания львиной доли литургических обрядов для массы верующих. Епископами рекомендовалось дальнейшее приспособление церковно-славянских богослужебных текстов к современному русскому языку. Практически все предлагали ряд мер, направленных на то, чтобы прихожане могли более полно участвовать в богослужении, и именно практикой личных молитв^[12].

По намерениям, уровню подготовки и широте намеченных реформ поместный собор 1917—1918 годов можно без особой натяжки сравнить со II Ватиканским собором^[13], только за полвека до начала последнего. Одним из основных вопросов собора была литургическая реформа, неосуществленными деталями которой были русификация литургического языка, сокращение длительности богослужений, служение с открытыми царскими вратами, чтение так называемых «тайных» молитв вслух (как приказывал делать еще в

¹¹ Борисов А. Указ. соч. С. 130-131.

¹² Там же.

¹³ Аман И. Отец Александр Мень – Христов свидетель в наше время. М., 1995. С. 31.

VI веке император Юстиниан), сокращение постов и проблема календаря^[14].

Все 588 делегатов от епархий единодушно призывали народ забыть распри, предупреждая, что Россия стоит на краю пропасти. Однако, когда речь зашла о внутрицерковных делах, сам собор раскололся на две части: консервативное большинство и либеральное меньшинство. В решающем вопросе победили консерваторы, поэтому было вынесено решение о восстановлении патриаршества. Владыка Тихон Белавин (1865—1925), ценимый за простоту и смирение, был избран патриархом. Тем не менее, новый церковный устав явился определенным компромиссом между реформаторами и консерваторами. Высшую власть в церкви отдали собору, созываемому периодически, а патриарх становился высшей исполнительной властью.

Все основные решения участники собора принимали на фоне захвата власти в стране большевиками. Тем не менее, собор успел принять еще целый ряд важных решений, имеющих, в частности, отношение к реорганизации приходской жизни. Сам патриарх был очень увлечен идеей обновления церкви с опорой на приходские общины по образцу апостольских времен^[15]. К сожалению, в результате разразившейся гражданской войны заседания были вынужденно прекращены, а собор 1945 года вновь решительно отбросил назад реформу церковного управления.

Таким образом, «с 1905 года и до открытия собора за обновление церкви (хотя и не одинаково понимаемое) выступали почти все лучшие ее представители»^[16]. Однако уникальный исторический шанс реформироваться и стать для народа духовным маяком православной церковью был упущен. С одной стороны, это произошло по причине искусственного и длительного сдерживания церковных реформ государственным аппаратом, а с другой – из-за нерасторопности и бюрократии самого духовенства. Заплатить за это пришлось неимоверно высокую цену.

¹⁴ Балашов Н. На пути к литургическому возрождению: Поместный Собор 1917–1918 гг. и предсоборный период. М., 2000. С. 343-377.

¹⁵ Аман И. Указ. соч. С. 40.

¹⁶ Балашов Н. На пути к литургическому возрождению. С. 440.

2. Начало «Вавилонского пленения» (1918—1960)

Я видел в карете монаха,
Сверкнула на рясе звезда...
Но что я при этом подумал
Я вам не скажу никогда!

Саша Черный

Большевики считали любую религию пережитком прошлого и препятствием на пути прогресса. В православии же они видели последний осколок самодержавия и упрямый обскурантизм. Вот почему новая власть и церковь немедленно вступили в конфликт. Декрет о земле от 26 октября 1917 года означал национализацию церковных и монастырских земель, насчитывающих около 300 тысяч гектаров^[17].

Следующим, еще более сильным ударом оказался закон о свободе совести^[18], впоследствии ставший известным как декрет «Об отделении церкви от государства». Теперь церковь лишалась статуса юридического лица^[19], церковная иерархия упразднялась и все духовенство оставалось без средств к существованию. Причем отделение церкви от государства *de facto* означало лишь неучастие церкви в государственных делах, но никак не наоборот.

С 1922 года начались гонения, подобных которым церковь не видела со времен Диоклетиана^[20]. Даже татары, закабаленные Русью на несколько сотен лет, проявляли к христианству больше уважения. Интересно, что Ленин доверил антирелигиозную кампанию в руки Ярославского и Троцкого^[21], что вызывало в последствии не мало спорных мнений. Эти люди, знакомые с историей, знали, как нужно действовать. Нарком просвещения А. В. Луначарский писал:

¹⁷ Пайпс Р. Россия при большевиках. М., 1997. С. 411.

¹⁸ На Поместном соборе он был назван «декретом о свободе от совести».

¹⁹ Такая ситуация сохранялась в СССР вплоть до 1990 г.

²⁰ Емельянов Н. Оценка статистики гонений на русскую православную церковь с 1917 по 1952 годы. Режим доступа: <http://www.pstbi.ccas.ru/institut/sb/f.htm>

²¹ Ярославский (Губельман Миней Израилевич, 1878—1943) многие годы возглавлял «Союз воинствующих безбожников». Троцкий (Бронштейн Лев Давидович, 1879—1940) – наркомвоенмор и председатель Реввоенсовета.

Религия, как гвоздь: если бить ее по шапке, то она входит все глубже. <...> Тут нужны клещи. Нужно обхватить религию, зажать ее снизу, не бить, а устранять, выдергивать с корнем, и это может быть сделано только научной пропагандой, моральным и художественным воспитанием масс.^[22]

Атеистическая пропаганда сочетала в себе карнавальные черты со святотатством. Публичные осквернения захоронений святых, фальшивые свидетельства «контрреволюционной» деятельности духовенства, разграбление церковного имущества – все это было лишь прелюдией к неслыханным по размаху и жестокости репрессиям. Со временем гонения коснулись всех религиозных объединений государства без исключения, но православию большевики всегда уделяли исключительное внимание.

Тем временем среди духовенства возникло несколько групп, объединившихся впоследствии в так называемую «Живую церковь». Эти сторонники радикальных реформ ратовали за продолжение церковных преобразований, начатых на Поместном соборе. Самым видным лидером *обновленчества* был А. П. Введенский (1888—1946), возглавлявший так называемый «Всероссийский союз демократического православного духовенства и мирян», а затем «Петербургскую группу прогрессивного духовенства». Введенский и его соратники (В. Красницкий, А. Грановский) выступали за социальную ориентацию церкви и сотрудничество с большевиками. Пользуясь ситуацией и получив поддержку властей, они созвали свой собор, на котором низложили патриарха, ввели григорианский календарь, богослужение на русском языке, женатый епископат и право духовенства на развод и «второбрачие».

Коммунисты умело использовали обновленцев для раскола и ослабления РПЦ, как они использовали русских протестантов для проведения коллективизации^[23]. Остается фактом, что в то время как патриарх Тихон резко выступал против красного террора^[24], И. С.

²² Цит. по Пайпс Р. Указ. соч. С. 406.

²³ Савинский С.Н. История евангельских христиан-баптистов Украины, России, Белоруссии (1917—1967). СПб., 2001. С. 22-26.

²⁴ Обращение Святейшего Патриарха Тихона к Совету Народных Комиссаров (25.10.1918) // Акты Святейшего Тихона, патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти: 1917–1943. М., 1994. С. 149-153.

Проханов называл ужасы революции «естественным процессом, который хотя и связан со страданиями, но должен предшествовать установлению в России настоящей республиканской свободы»^[25]. Взаимодействие евангельских христиан с обновленческим движением, дискредитировавшим себя и политически, и морально, явно не красит историю русских протестантов, которые жестоко обманулись, приветствуя свержение обеих голов российской государственности^[26]. Для самобытных русских протестантов гонения православного самодержавия сменились безжалостными преследованиями со стороны безбожных коммунистов.

«Живая церковь» была создана Государственным Политическим Управлением (ГПУ) для единственной цели: расколоть и низвергнуть русское православие. К августу 1922 года из 143 епископов 37 поддерживали обновленцев, 36 были сторонниками патриарха (тихоновцы), а остальные 70 стояли на распутье^[27]. Задача была выполнена окончательно к апрелю 1925 года со смертью Тихона, поскольку в предсмертной записке он капитулировал, призывая христиан поддерживать советскую власть^[28]. Думается, тем самым патриарх надеялся предотвратить дальнейшие расколы, поскольку сам был вполне готов к мученичеству.

Зная, что народ не уважает живоцерковников, большевики перестали их поддерживать. В 30-х годах арестовывают и устраняют переставших быть полезными лидеров обновленчества и движение быстро сходит на нет. Таким образом, в России была надолго скомпрометирована сама идея реформы церковной жизни.

Стоит подчеркнуть, что обновленчество справедливо осуждают за безнравственность, предательства и служение врагам церкви, но ни в коем случае не за богословскую ересь. Вот почему важно видеть насколько несходны между собой движение духовного обновления

²⁵ Проханов И.С. В котле России. Германия, 1992. С. 169-170.

²⁶ Савинский С.Н. Указ. соч. С. 13, 21.

²⁷ Пайпс Р. Указ. соч. С. 432.

²⁸ Послание Святейшего патриарха Тихона об отношении к существующей государственной власти («Предсмертное завещание», 25.03.1925) // Акты Святейшего Тихона, патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти: 1917–1943. / Сост. М. Е. Губонин. М., 1994. С. 361-363.

церкви и красное конформистское обновленчество^[29]. В 1905—1906 годах «Союз церковного обновления» никто еретическим не считал, а предложения «32 священников» такие серьезные богословы как Н. Аксаков называли возвратом к подлинной церковной ортодоксии. Недаром в самиздатовской рукописи «Острая лука» один волжский священник, погибший в сталинских концлагерях, репрессированный за верность патриаршей церкви и успешную борьбу против обновленцев, писал:

...какая досада, обновленцы погубили такие необходимые для церкви преобразования. Теперь надолго любое обновление в церкви будет отождествляться с безбожными большевиками и их приспешниками, и церковь будет обречена на длительную неподвижность.^[30]

За период с 1918 по конец 30-х годов в результате массовых репрессий погибло до 45 тысяч православных священнослужителей (около 85 %), а к 1964 году эта цифра возросла до 50 тысяч^[31]. Было уничтожено или закрыто более 95 % храмов, которых по стране в 1914 году насчитывалось почти 80 тысяч^[32]. К 1939 году в СССР легально действовало всего лишь около ста православных приходов и только четыре подчиненных митрополиту Сергию архиерея. Действительно, видимой церкви не существовало, однако она не погасла, а распространялась повсюду, но тайно – стала катакомбной.

К уходу в русские катакомбы XX века многих верующих подтолкнул и патриарший местоблюститель митрополит Сергей^[33], когда в знаменитой декларации заявил о верноподданничестве русской церкви советской власти^[34]. Только такой ценой Сергей, наконец, смог составить и зарегистрировать синод у властей (легализоваться) и хоть как-то помешать массовому разрушению храмов.

²⁹ Балашов Н. На пути к литургическому возрождению. С. 442.

³⁰ Цит. по Поспеловский Д.В. Православная церковь в истории Руси, России и СССР. М., 1996. С. 257.

³¹ Поспеловский Д.В. Русская православная церковь в XX веке. М., 1995. С. 170-171.

³² В это число входят соборы, церкви, часовни и молитвенные дома РПЦ. См. Федоров В.А. Русская православная церковь и государство. С. 29.

³³ В миру Старгородский Иван Николаевич (1867—1944); с 1943 г. патриарх Московский и всея Руси.

³⁴ Декларация Заместителя Патриаршего Местоблюстителя митрополита Нижегородского Сергия (Старгородского) об отношении РПЦ к существующей гражданской власти (16.07.1927) // Акты Святейшего Тихона... и позднейшие документы. С. 509-513.

Кроме появления подпольных священнослужителей эта декларация вызвала массу новых схизм. Значительный удар по единству православия в тот критический момент был нанесен зарубежными церквями и архиереями-эмигрантами, резко осудившими заявления местоблюстителя и вышедшими из канонического общения с Московским патриархатом. Значительная часть данных разделений политически была преодолена в 40-х годах при активной государственной поддержке.

В середине великой отечественной войны, бывший семинарист Иосиф Сталин^[35] отвел церкви скромную роль исторического заповедника, поддерживающего патриотические чувства, и одновременно безопасной для его режима тихой гавани для пенсионеров. Надпись у входа в Троице-Сергиеву Лавру (на мраморной доске, золотыми буквами) звучала как явная ирония: «Государственный историко-архитектурный музей заповедник». В таком «заповеднике» можно позволить и монахов, и богослужение как каких-то редких, диковинных зверей, занесенных в «Красную книгу»^[36].

В. С. Соловьев отзывался о современной ему церкви как о «министерстве духовных дел православного вероисповедания»^[37], чего добился царь Петр еще в XVIII веке. Теперь из министерства русское православие было задумано превратить в этнографическую экзотику. В таких условиях проходила первая половина патриаршества Алексия I^[38]. «К церкви относились приблизительно так, как к резервации индейцев – их не уничтожали при условии, что они не перейдут отмеченную грань»^[39]. За исполнением данного условия следил специальный правительственный орган: Совет по делам РПЦ.

Важно отметить, что до 1945 года доминирующее религиозное движение в нашей стране называлось не «Русская», а «Российская православная церковь». С «благословения» И. В. Сталина, разы-

³⁵ Иосиф Виссарионович Сталин (Джугашвили, 1879—1953). Выходец из семьи сапожника. После окончания Горийского духовного училища (1894) учился в Тифлисской духовной семинарии (в 1899 г. исключен).

³⁶ Борисов А. Указ. соч. С. 89

³⁷ Соловьев В.С. О христианском единстве. М., 1994. С. 209.

³⁸ В миру Симанский Сергей Владимирович (1877—1970), патриарх Московский и всея Руси с 1945 г.

³⁹ Аман И. Указ. соч. С. 53.

гравшего этно-конфессиональную карту, само название церкви стало подчеркивать ее националистический характер и обозначило ее роль в борьбе с так называемым «космополитизмом».

3. Катакомбники и диссиденты (1961—1990)

Я ухожу в тебя, Россия,
Жизнь за судьбу благодаря,
Счастливый, вольный поп-расстрига
Из лживого монастыря.

Е. Евтушенко

Православные «катакомбники» вопреки распространенному мнению в основном состояли из священнослужителей, никогда не порывавших с митрополитом Сергием, то есть официальной церковью. Они ушли в подполье только потому, что открытая религиозная жизнь стала невозможной. С. В. Лезов называет условия, в которых оказалась церковь в СССР не столько подпольными, сколько «лабораторными»^[40]. Поразительно, но в годы тяжелейших гонений продолжались рукоположения, существовали тайные монашеские общины, иногда «закамуфлированные» под совхозы, и даже семинарии. Действовали неофициальные религиозно-философские кружки, семинары и катехизаторские группы, в основном состоящие из молодежи. Самым влиятельным был «Христианский семинар», организованный А. Огородниковым и В. Порешем в 1976 году. Его деятельность охватывала Москву, Ленинград, Смоленск и некоторые другие крупные города. Члены таких групп изгонялись из вузов, с работы, нередко попадали в психушки и лагеря. Количество же приходов официальной церкви с 1958 по 1964 год сократилось более чем в 2 раза.

«Катакомбность» церкви совсем не обязательно означает ее фанатичность и непримиримость. Ярким примером тому служит личность Александра Меня, который был крещен и духовно воспитан катакомбными священниками. Одним из наставников молодого Меня был отец Николай Голубцов (1900—1963), *homo scribendi*

⁴⁰ См. Лезов С.В. Очерки современного православного либерализма // Попытка понимания: Избранные работы. М.—СПб., 1998. С. 193. Ср. Поспеловский Д.В. Русская православная церковь в XX веке. С. 174.

peritus (человек, опытный в Писании), дипломированный биолог, братья которого также являлись священниками, а сестры – монахинями. Занимаясь самообразованием «катакомбники» такого рода использовали все доступные материалы: от отцов церкви до идей современных западных теологов, сведения о которых они черпали даже из советской антирелигиозной литературы.

Здесь хочется процитировать удивительную монахиню Марию Скобцову, замученную в нацистском лагере за то, что она спасала евреев.

В Советской России <...> церкви запрещено все – разрешено лишь совершать богослужения. А может быть, это <...> очень тонкий психологический расчет, основанный на том, что православное богослужение без дела любви, без явлений подвижнической жизни, без слова Божьего <...> бессильно явить обмирщенному и обезбоженному человечеству Христову правду? Духовно голодный человек переступит порог храма, <...> но на голод свой пищи не получит – потому что он хочет не только красоты, но и любви – и ответа на все свои сомненья. Таким образом, власть <...> замкнула церковные двери. Может быть, в этом смысле для церкви было бы полезнее не иметь официального разрешения на богослужения, а собираться тайком в катакомбах...^[41]

Профессор Д. В. Поспеловский уместно корректирует финальное предположение матери Марии, указав, что она «не совсем ясно представляла тотальность советской системы слежки и доношительства»^[42]. Тем самым историк русского православия объясняет, что до конца советской власти дожили очень немногие и крайне малочисленные катакомбные группы. Более того, многие из них в своей изолированности и почти при полном отсутствии образованных священников, а тем более богословов, уклонились в какую-то смесь христианства с язычеством или оккультизмом.

В отличие от остального общества хрущевская оттепель обернулась для церкви новым витком жестоких гонений, поскольку был объявлен курс на возврат к «ленинским нормам». Тем не менее, зародившееся после развенчания сталинского культа личности свободомыслие уже невозможно было остановить. В это лихолетье лишь

⁴¹ Цит. по Поспеловский Д.В. Тоталитаризм и вероисповедание. С. 635-636.

⁴² Там же.

несколько одиноких голосов публично раздалось в защиту церкви и веры. В верхах бесчинству властей практически в одиночку пытались противостоять епископы Гермоген Калужский^[43], и Павел Новосибирский. В 1977 году к ним присоединился голос епископа Полтавского Феодосия^[44].

В 1965 году священники Николай Эшлиман и Глеб Якунин подали два меморандума-протеста: правительству – против гонений и патриарху с осуждением пассивности архиереев. Очень важно, что это дело впервые оказалось бескровным и даже безтюремным, за которое оба церковных деятеля поплатились лишь запретом в служении. К лагерям и ссылкам Якунина^[45], отца Дмитрия Дудко и многих других священнослужителей в 70-е годы привела церковно-политическая диссидентская деятельность (обращение к западной общественности, публикации в самиздате и т. д.). Таким образом, бездействию и раболепию епископата во главе с патриархом Пименом^[46] трудно найти оправдание в последние два десятилетия коммунистического господства. Хочется особо подчеркнуть интереснейший факт составления группой баптистской молодежи в 1979 году открытого письма Л. И. Брежневу с просьбой освободить православного священника Д. С. Дудко^[47].

По каналам самиздата ходили материалы дьякона Анатолия Левитина^[48](1915—1991) и псковского священника Сергея Желудкова (1909—1984), резко изобличающие антирелигиозную кампанию. Интересно, что оба автора начинали еще до революции в обновленческом движении, надеясь на глубокую реформу церкви. С. А. Желудков пришел к глубокому осознанию «внутренней несостоя-

⁴³ В миру Алексей Голубев (1896—1978), ученик П. Флоренского, рукоположенный патриархом Тихоном. За свою активную деятельность был лишен кафедры и заточен в монастырь на тюремных условиях..

⁴⁴ В миру Дикун М. Н. (род. 1926). Его письмо Л. И. Брежневу оказалось первым полным подтверждением заявлений, раскрывающих тиранию и произвол Совета по делам православной церкви с 1958 г., от лица архиерея.

⁴⁵ Якунин Глеб Павлович (1934—2014) пробыл в заключении с 1980 до 1987 г. За активную политическую деятельность в 90-х годах патриархом Алексием II и Священным синодом лишен сана.

⁴⁶ В миру Извеков Сергей Михайлович (1910—1990); патриарх Московский и всея Руси с 1971 г.

⁴⁷ Корнилов Н. Указ. соч. С. 13.

⁴⁸ В самиздате писал под псевдонимом Краснов..

тельности РПЦ», что он характеризовал «современным учительным кризисом». Пытаясь найти выход из данного тупика, он словно православный Декарт подвергал сомнению все вероучение от догматики до богослужебной практики. Александр Мень в приложении к своей блестящей книге «Сын Человеческий» называет С. А. Желудкова «известным леворадикальным богословом». Сам отец Сергей говорил о своей свободе последовательного сомнения как о «христианском агностицизме», в противоположность нерассуждающему принятию какой-либо ортодоксии^[49]. Удивительно, но еще в 60-е годы простой священник из Пскова в книге «Почему и я – христианин» пророчествовал:

Иногда воображается кошмар: вот завтра пробудится широкий интерес к христианству, вот станут все расспрашивать о христианстве – и окажется, что мы к этому совершенно не подготовлены.^[50]

После войны в СССР вернулись некоторые эмигранты, внесшие с собой дополнительную долю свободомыслия. Ярким примером тому служит протоиерей Всеволод Шпиллер, вернувшийся из Болгарии. Он был одним из пастырей московской православной интеллигенции и преподавал в московских духовных школах.

И все же самое значительное влияние на формирование нового, живого и мыслящего потока в русском православии, безусловно, оказал Александр Мень (1935—1990). Его труд можно назвать созданием «либеральной субкультуры внутри церкви»^[51]. Данное явление тем более замечательно, что принадлежит оно поколению советских священнослужителей. Отец Александр предпочитал не смешивать пасторскую деятельность с диссидентской, хотя поначалу входил в кружок молодых священников вместе с Г. Якуниным, Д. Дудко и Н. Эшлиманом под духовной опекой владыки Гермогена.

Мень утверждал, что любая церковная деятельность должна начинаться с перестройки собственной жизни каждого христианина. Церковь не созреет для свободы до тех пор, пока не будет готова свидетельствовать. Таким образом, она должна акцентировать вни-

⁴⁹ Лезов С.В. Очерки современного православного либерализма // Попытка понимания. С. 217.

⁵⁰ Там же. С. 194-195.

⁵¹ Там же.

мание на внутренних проблемах скорее, чем на проблемах отношений с государством^[52]. Вот почему отец Александр делал акцент на работу среди прихожан и евангелизацию, а его книги сделали его миссионером интеллигенции. Например, у А. Меня перед эмиграцией крестился поэт и драматург А. А. Галич (Гинзбург, 1918—1977). В самиздате и тамиздате (так назывались книги, выходившие на русском языке за рубежом) Мень печатался под именем Андрея Боголюбова. Для катехизации он использовал все доступные методы: книги, диапозитивы, аудиокассеты.

Когда община отца Александра значительно разрослась, он перешел на систему малых групп, ориентированных на изучение Библии, молитву и взаимопомощь^[53]. В начале 90-х годов в первую очередь группы подобного рода оказались способными объединиться в православные братства. Нельзя не отметить, что эти группы создавались параллельно с развитием и внедрением «ячеечной системы» на Западе, с той только разницей, что в Советском Союзе невозможно было ее легальное осуществление.

В конце 80-х годов советская система уже основательно трещала по швам. Это обстоятельство замечательным образом совпало с 1000-летием крещения Руси (1988) и 400-летием установления патриаршества на Руси (1989). Священнослужители очень быстро стали желательными и чуть ли не модными фигурами повсюду. Это, наконец, дает возможность о. Александру проповедовать перед широкой общественностью и провозглашать евангелие через средства массовой информации. В Олимпийском комплексе А. Мень выступил за полтора года до Билли Грэмма, на Пасху 1990 года, хотя официальная патриархия отказалась принимать участие в этом нетрадиционном для РПЦ мероприятии.

Таким образом, мировоззрение С. Желудкова и А. Меня стало возможным в результате синтеза двух различных культурных слоев: строгий катакомбный консерватизм и открывающаяся навстречу Западу оттепель 50-х – 60-х годов. Мень, Шпиллер и отчасти Желудков воспитали целую поросль молодых прогрессивных священников, таких как Георгий Кочетков, Александр Борисов, Георгий Чистя-

⁵² Аман И. Указ. соч. С. 169.

⁵³ Бессмертный-Анзимиров А. Приход о.Александра Меня в Новой Деревне. Страницы. 1996. №1. С. 75-77.

ков и Игнатий Крекшин. Как авторы работ на библейские темы они «стремились оставаться в рамках московского православия, понемногу раздвигая эти рамки»^[54].

Справедливости ради нужно отметить, что в писательских трудах современных реформистов тоже не все гладко. Например, протоиерей Александр Борисов, настоятель храма Космы и Дамиана в Шубине и экс-председатель Российского Библейского общества, в своей в целом отличной и смелой книге «Побелевшие нивы» высказывает идеи, подходящие если не на религиозный плюрализм, то на инклюзивизм точно (С. 104-105). А такой взгляд неприемлем и для русского баптизма, и для православия. В работах Борисова прослеживается влияние креационной эволюции, которой придерживался А. Мень. Экклесиология Г. С. Кочеткова также нередко достаточно спорна (печатался под псевдонимами Герасимов и Богданов).

Итак, в среде нового поколения верующих, появившегося в воинствующей атеистической среде, вновь очень остро встает вопрос о реформе, в первую очередь реформе богослужебной. Тем не менее, и А. Мень, и В. Шпиллер не позволяли себе действовать «партизанскими» и раскольническими методами. К тому же, они старались остерегаться всяческих перегибов, считая, что верный путь лежит где-то посередине.

4. Новый исторический шанс (1991—2001)

Может ли меньшинство чего-то добиться?..
Я думаю, что всё великое начинается с меньшинства, и даже больше того – с одиночки, отказавшегося выть. На этого одиночку я и рассчитываю.

Г. С. Померанц

С 1991 года приходы перестали терроризироваться «уполномоченными» по делам религии, подчинявшимися одновременно ЦК КПСС и КГБ, поскольку их учреждения просто перестали существовать. Без преувеличения можно сказать, что религиозные движения (и в особенности РПЦ) получили в новой России возможно-

⁵⁴ Лезов С.В. Очерки современного православного либерализма // Попытка понимания. С. 205-206.

сти, которых не имели не только при советской власти, но и за всю тысячелетнюю историю христианства на Руси.

Вскоре после избрания патриарх Алексей II^[55] призвал православных мирян к объединению в братства, которые занимались бы миссионерством, катехизацией, церковными школами и благотворительностью. Молодежи был брошен клич объединяться в православное молодежное движение. И тут-то выяснилось, что серьезные опасения С. Желудкова и А. Меня были очень верными и справедливыми, так как на поверку оказалось, что православной общественности как таковой практически нет^[56]. Причиной явно было то обстоятельство, что православный приход перестал быть полноценной общиной.

Подготовленными к новой реальности оказались продолжатели дела прогрессивных катакомбников, которых представители доминирующего фундаменталистского крыла Московской патриархии спустя несколько лет уже открыто стали называть «неправославными». В печати фундаменталистов именуют консерваторами, правыми, традиционалистами; сами себя они считают подлинными православными. Их оппонентов называют либералами, модернистами, реформистами, левыми, (нео)обновленцами, экуменистами. Сторонники реформ предпочитают говорить об «открытом» и «закрытом» православии.

Нагляднее всего это противостояние проявилось в деятельности священника Георгия Кочеткова (род. 1950), который еще в 80-е годы подвергся исключению из Ленинградской Академии за организацию подпольных катехизаторских курсов. Результатами его активного служения в первые же годы свободы стали: полуторатысячный приход в центре Москвы, Высшая православно-богословская школа, катехизаторский институт, большая воскресная школа и благотворительный центр. Трудami его Сретенского братства были организованы общины в Москве, Петербурге, Мурманске, Екатеринбурге и других городах. Георгий Серафимович старался сделать язык богослужения понятнее, вводя в него русизмы и русскую синтаксиче-

⁵⁵ В миру Ридигер Алексей Михайлович (1929—2008), патриарх Московский и всея Руси с 1990 г. Выборы впервые с 1917 г. шли при тайном голосовании в отличие от всех «советских» соборов.

⁵⁶ Поспеловский Д.В. Православная церковь в истории Руси, России и СССР. С. 373.

скую структуру, читая Писание по-русски и лицом к верующим.

К сожалению, на первом же съезде в октябре 1990 года руководство Всероссийским союзом православных братств захватили представители крайне правых или политизированных красно-коричневых структур, пользующихся православием как идеологическим оружием. Именно из их среды вышло предложение о канонизации Ивана Грозного и возобновления опричнины для очистки страны от «жидомасонов»^[57]. Нишу в церковной структуре они обрели, найдя себе духовника в лице ныне покойного невежественного Санкт-Петербургского митрополита Иоанна Снычева (1927—1995)^[58]. «Критики митрополита описывают его деятельность как вид «катехизации» псевдо-православной мессианологии, черносотенство и нацизм»^[59].

Уже через два года после третьего съезда из союза вышли подлинно церковные братства, занимающиеся не политикой, а видами служения, выделенными патриархом как приоритетные (Братство Всемиловитового Спаса, Сретенское, Св. Патриарха Тихона и др.). Однако даже после этого, боясь расколов со стороны тоталитарно настроенного Союза братств, патриархия шла ему на уступки. В результате невежественные и реакционные элементы начали настоящую травлю Г. Кочеткова, А. Борисова и других «меневцев», особенно в периодических изданиях: «Вестник Союза братств», «Русский вестник» и «Радонеж». Сыпались крамольные обвинения в раскольничестве, «гуруизме», неообновленчестве и даже в ереси жидовствующих^[60]. В 1994 году общину Кочеткова изгнали из Сретенского храма, а через полгода его Высшая школа подверглась настоящему погрому, организованному псковско-печерскими монахами и «казаками» с нагайками.

В ноябре того же года фундаменталисты под шапкой Тихонов-

⁵⁷ Там же. С. 378.

⁵⁸ Основные писательские труды митрополита Иоанна: «Церковные расколы в русской церкви 20-х и 30-х годов XX столетия». – Соргавала, 1993; «Самодержавие Духа: Очерки русского самосознания». – Саратов, 1995; «Русь соборная: Очерки христианской государственности». – СПб., 1995; «Стояние в вере: Очерки церковной смуты». – СПб., 1995.

⁵⁹ Slater W. A Modern-Day Saint? Metropolitan Ioann and the postsoviet Russian Orthodox Church // Religion, State & Society. 2000. №4. P. 314.

⁶⁰ Носов С. Современное обновленчество и богослужебный язык // Богослужебный язык русской церкви: История. Попытки реформации. М., 1999. С. 191.

ского института созвали псевдонаучную конференцию «Единство церкви» с явной целью разгромить «кочетковцев» и «меневцев» к очередному архиерейскому собору. Конференция прославилась «карательными методами борьбы за единство»^[61]. Было предложено ввести духовную цензуру и некое учреждение для надзора за духовенством, решительно осуждены все формы экуменизма, западное христианство и контакты с ним.

Декабрьский архиерейский собор 1994 года в целом можно считать победой реформаторов и поражением реакционеров. Был принят курс на преобразование духовной образовательной системы и одобрена экуменическая деятельность РПЦ. Кроме того, была создана комиссия для завершения литургической реформы собора 1917—1918 годов, разогнанного большевиками. Патриарх поставил перед комиссией конкретную задачу: сделать богослужение более доступным. Комиссия в течение пяти лет все свое время посвящала «составлению служб новопрославленным святым». Январский собор 2000 года вновь благословил «продолжение трудов по редактированию богослужебных текстов» и объявил о создании особой литургической комиссии.

Тем не менее, в 1997 году Кочетков, давно работающий именно в этом направлении, по необоснованным обвинениям был запрещен в служении, а 12 его активных прихожан отлучены. Только в марте 2003 года патриарх подписал указ, восстанавливающий отца Георгия в праве священнослужения, а мирян его общины – в праве приступать к причастию.

По мнению ряда аналитиков в 1997 году само православное священноначалие перешло на позиции фундаментализма. Признаками данного явления называют: «антиэкуменические действия», церковные наказания реформистов, поддержку дискриминационного закона «О свободе совести и о религиозных объединениях»^[62]. Новая Социальная доктрина РПЦ показала, что современное священноначалие до сих пор не извлекло для себя важнейших уроков из исто-

⁶¹ Заиканова И. К началу серии публикаций по истории РПЦ. Режим доступа: <http://www.stphilaret.ru/favor/hist37iz.htm>

⁶² Verhovsky A. The role of the Russian Orthodox Church in nationalist, xenophobic and antiwestern tendencies in Russia today: Not nationalism, but fundamentalism // Religion, State & Society. 2002. №4. P. 341.

рии взаимоотношений с государством. В доктрине отчетливо видна попытка адаптировать к новым условиям утопичную идею императора Юстиниана о «симфонии властей» и откровенное заискивание перед государственной властью^[63]. Все эти действия на Западе были восприняты как ультраконсервативный выбор Московской патриархии, «основанный на доктринальной жестокости и враждебности к Западу»^[64].

В XXI век РПЦ вошло на волне очередного внутреннего кризиса. Стремление священноначалия любой ценой предотвратить расколы себя явно не оправдало, так как привело к потере собственного престижа и у консерваторов, и у реформистов. Такая робкая позиция церковного руководства таит в себе известную опасность: оно должно вести паству, а не следовать за ней. В результате каждый священнослужитель действует по своему усмотрению.

Существуют крепкие и слабые приходы, влиятельные духовники и просто требоисполнители (последних, к сожалению, большинство), но нет единого и авторитетного духовного руководства^[65].

Архиерейский собор 2004 года вновь напомнил парадно-торжественные и безынициативные поместные соборы тоталитарных времен, проходившие в атмосфере «единомыслия и братской любви». Пожалуй, главное его событие – это принятие «Временного положения об учреждении Церковного суда». Кульминацией собора стало приглашение архиереев в Кремль на встречу с президентом. Получив в безвозмездное пользование землю и надеясь на реституцию церковной собственности, РПЦ считает себя обязанной содействовать власти во всех ее начинаниях. В свою очередь российское правительство в связи с различными внутренними и внешними угрозами, а также собственными непопулярными политическими мерами ищет опору во всех общественных институтах, сохраняющих лояльность к Кремлю.

⁶³ Церковь и мир: Основы социальной концепции РПЦ. М., 2000. С. 46-48, 55-56. Также см. главу 2.2.2. Православное государство: симфония или какофония?

⁶⁴ Подберезский И.В. Христианский фундаментализм и постиндустриальное общество в России на рубеже веков // Протестанты и другие. С. 151.

⁶⁵ Поспеловский Д.В. Православная церковь в истории Руси, России и СССР. С. 378-379.

Выводы

Мы видим, что самые видные и прогрессивные православные деятели на протяжении всего ушедшего века ратовали за полное реформирование всех областей церковной жизни, а многие идеи воплощали в реальном деле. К сожалению, еще раздаются голоса, призывающие восстановить церковную жизнь в ее дореволюционном виде, вернуться к идеалу «святой Руси», якобы воплощенному к началу XX века. Это значит, что наша новейшая история еще далеко не осмыслена, несмотря на то, что *historia magistra vitae* (история – учительница жизни).

Православным фундаменталистам следует ответить на вопрос: почему привилегированная в государстве церковь, обладавшая огромной духовно-нравственной традицией, колоссальными финансовыми ресурсами и достаточно высоким уровнем богословской науки «оказалась бессильной перед натиском революционных движений и воинствующего атеизма»?^[66] Почему за тысячелетнюю историю народное сознание духовной паствы РПЦ оставалось и остается «в известной степени полуязыческим»?^[67]

Если в начале первого тысячелетия православие уберегло Русь от поглощения чуждой христианству культурой, то в его конце оказалось не в состоянии уберечь Россию от коммунизма. Вряд ли стоит сомневаться в словах Спасителя, обещавшего, что врата ада церкви не одолеют (Мф. 16:18). Остается одно – соль земли потеряла силу (Мф. 5:13). Тем не менее, для максимально объективной оценки необходимо различать и иметь в виду наличие в рамках Московского патриархата как представителей номинально-требоисполнительского крыла, так и истинных служителей Божьих. Также важно усвоить принципиальное отличие скомпрометировавших себя «красных» обновленцев начала XX века и подлинных сторонников церковных реформ.

⁶⁶ Алфеев И. Указ. соч. С. 388.

⁶⁷ Кураев А. Оккультизм в православии. М., 1998. С. 3.